

У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа: У 8 т. – Т. 3. – Мн.: БелНДДАС, – 2001. – 455 с.

14. Гадлеўскі, В. Патрэба нацыянальнай ідэі / В. Гадлеўскі. // Спадчына. – 1993. – № 2

15. Станкевіч, Ад. Хрысціянства і беларускі народ / Ад. Станкевіч. — Вільня: Беларускае каталіцкае выдавецтва – 1940.

Национальный аспект формирования органов местной коллаборационистской администрации в Беларуси в годы немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.)

А.В. Беляев, канд. ист. наук, доцент

Великая Отечественная война является для белорусского народа одним из наиболее знаковых событий новейшей истории. Отзвук этой войны до сих пор имеется практически в каждой семье. Условия военного времени нередко ставили людей перед выбором: жизнь или смерть, предательство или патриотизм. Страшные испытания, через которые прошел наш народ в те годы, обнажили и выставили напоказ многие проблемы, в том числе и национальные. Наиболее яркое проявление они получили в таком сложном феномене, как коллаборация, то есть, добровольное сотрудничество с врагом. На сегодняшний день принято трехчленное деление коллаборационизма: военный, политический и гражданский. Сотрудничество в гражданской сфере включало в себя работу на различных предприятиях и в учреждениях, но особенно выпукло оно проявилось в функционировании так называемых органов «местного самоуправления» – волостных, городских, районных и областных управ, институте сельских старост. Анализ процесса формирования и национально-социального состава этих органов вспомогательной администрации и является главным предметом исследования.

А. Гитлер на первом этапе войны (до конца 1941 г.) не желал и слышать ни о каком самостоятельном государственном или административном устройстве покоренных народов; единственное, что он допускал, это «...общинное управление, да и то лишь в той мере, в какой оно необходимо для содержания рабочей силы...» [1, с. 66]. Только позже под воздействием ухудшения военного положения

Германии и побед советской армии его взгляды несколько изменились в сторону допущения более тесного сотрудничества с местным населением: «Чтобы избежать в оккупированных восточных областях излишнего регламентирования, необходимо... ограничить до самого минимального предела штаты немецких управлений в этих областях. В результате областному комиссару волей-неволей придется наладить широкий контакт с руководителями местных общин» [1, с. 72]. Гитлеру вторил М. Борман, который так высказался по этой проблеме в письме к рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей А. Розенбергу в середине 1942 г.: «Для местного населения [оккупированных территорий – А.Б.] не следует издавать слишком много законов: здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым. Немецкая администрация должна быть поэтому небольшой. Областному комиссару надлежит работать с местными старостами» [2, с. 40-41]. Другими словами, главари нацистского государства предполагали, что на оккупированной территории самоорганизация населения не должна подниматься выше общинного уровня – деревни (сельской общины) либо города (городской общины). При этом, однако, еще до начала военных действий против СССР в среде высшего руководства Германии бытовало мнение, что необходимо оставить на своих местах мелких и средних сотрудников государственных, коммунальных и хозяйственных организаций и предприятий для выполнения ими технической работы. По этому поводу весной 1941 г. А. Розенберг издал специальный меморандум, требовавший уничтожать только высших политических руководителей, оставляя на местах остальных работников [2, с. 29]. Этот документ вызвал неудовольствие военных, которым сложно было разбираться в благонадежности населения оккупированных территорий и которые предпочли бы, чтобы все неугодные и подозрительные лица были ликвидированы сразу.

В реальности же создание органов местной администрации не только на уровне населенного пункта, но и района и даже области из населения захваченных территорий происходило с первых дней оккупации. Военные коменданты назначали старост деревень, волостных бургомистров, руководителей районных управлений из числа местных жителей. В дальнейшем, при передаче власти в оккупированных районах в руки гражданской немецкой администра-

ции, местное «самоуправление» просто переводилось в ее подчинение, не претерпевая существенного кадрового и организационного изменения. С течением времени немецкое руководство стало стремиться к все более широкому привлечению в административные органы местных жителей, поскольку не имело достаточного числа собственных кадров. Так, генеральный комиссар Беларуси В. Кубе в докладе на совещании окружных комиссаров и начальников главных отделов Генерального комиссариата в апреле 1943 г. говорил: «Немцы не в состоянии выполнять всю управленческую работу. У нас не хватает людей, поэтому мы должны из местного населения взять достойных... Мы не сможем присылать из Германии столько людей, сколько здесь требуется, поэтому мы должны использовать, привлекать к управлению белорусов» [3, с. 73].

Специфика органов местной вспомогательной администрации в составе оккупационного аппарата состояла в том, что именно они осуществляли непосредственную связь с населением, формируясь при этом из самого же этого населения. Однако данные учреждения не носили характера собственно белорусской политической администрации, являясь составной частью оккупационного аппарата. Они действовали независимо от создававшихся в различные периоды оккупации марионеточных политических организаций, таких, как Белорусская народная самопомощь, Белорусская Рада доверия, впоследствии Белорусская Центральная Рада и т.п. Деятельность управ в основном носила хозяйственно-экономический и социальный, но отнюдь не политический и не военный характер. Поэтому, опираясь на устоявшуюся трехчленную классификацию коллаборационизма (политический, военный и гражданский) [4, с. 2], административные органы на оккупированной территории Беларуси, сформированные из местного населения, необходимо отнести именно к сфере гражданского коллаборационизма. Представляется наиболее правильным использовать для обозначения этого звена оккупационного аппарата термин «вспомогательная местная администрация», чтобы отделить его как от немецких оккупационных органов, так и от политических коллаборантов. Следует также избегать при обозначении данного явления применения термина «гражданская администрация», поскольку управы существовали как в зоне немецкого гражданского, так и военного управления.

Данный термин («гражданская администрация») необходимо употребить исключительно при обозначении аппарата немецких гебитс-(окружных), гаупт- (главных) и генеральных комиссариатов. Анализируя деятельность местной вспомогательной администрации, нельзя забывать, что зачастую служащие управ, в особенности их руководство, одновременно являлись и членами различных политических и военных организаций (БНС, БЦР, СБМ, БКО и др.), то есть принимали участие не только в гражданском, но и в других формах коллаборационизма. Однако основная сфера деятельности местной вспомогательной администрации и обязанности большей части ее рядовых служащих не выходили за рамки гражданской коллаборации.

При создании управ и местной вспомогательной полиции в Беларуси в первые месяцы войны нацистское руководство столкнулось с определенными трудностями. Во-первых, захватчики не могли опереться на прежние органы местной власти, поскольку они были эвакуированы или перешли на нелегальное положение. Поэтому приходилось создавать местную администрацию с нуля. Второй проблемой была излишняя активность польского населения на западе Беларуси и повсеместная пассивность белорусов, особенно явно проявлявшаяся на востоке [5, с. 51-58]. Опасения по поводу возможности именно такого развития событий немецким руководством высказывались еще до начала военной кампании против СССР. Так, Г. Геринг в своей директиве по разграблению оккупированных территорий СССР («Зеленая папка») указывал: «В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великорусов, евреев и поляков» [6, с. 383].

На самом деле, разумеется, причины такого положения были вовсе не в «интеллектуальной отсталости» белорусского населения. Активность польской стороны объяснялась тем, что поляки пытались использовать нацистский оккупационный режим для решения своих национальных задач и превратить Беларусь в польскую провинцию. В первые месяцы войны им удалось, пользуясь желанием немецкого военного руководства как можно скорее сформировать аппарат вспомогательной администрации, заполнить в Западной

Беларуси руководящие посты своими людьми. Этому способствовало определенное безразличие военного командования к национальному вопросу в занятых областях, вызванное стремлением решить прагматические задачи: как можно быстрее установить свое военное и политическое господство на оккупированной территории и начать ее экономическое ограбление. Безразличие вермахта к национальному составу действующего на его территории аппарата местной вспомогательной администрации сохранялось на всем протяжении военной кампании. Можно предположить, что немецкое армейское руководство не хотело осложнять ситуацию в прифронтовой полосе и зоне тыла. Политическим мерам по усмирению оккупированных территорий вермахт предпочитал военно-полицейские, действуя не убеждением, а террором. Разумеется, и в зоне ответственности немецкой гражданской администрации насилие являлось главным методом управления, однако там все же больше внимания, особенно с 1942 г., уделялось вопросам привлечения населения на свою сторону, в том числе и с учетом национальных проблем.

Пользуясь сложившейся ситуацией, польские круги начали постепенное вытеснение из общественной жизни немногочисленного активного белорусского элемента (в первую очередь интеллигенции), а затем развязали фактический террор против белорусского и русского крестьянства, требуя возвращения земель вернувшимся польским помещикам [7, с. 22; 8, с. 263]. При этом поляки умело проводили свою линию, стравливая немецкие оккупационные власти с белорусским населением путем многочисленных доносов, где обвиняли белорусов в действительном или вымышленном коммунизме [5, с. 60-61; 9, с. 62-63]. Вот как, например, обрисовал положение дел в Ошмянах местный бургомистр Ю. Мурашка в письме к некоему Синицкому: «Я нахожусь в Ошмянах, работаю сколько могу, но неприятностей уже много имею от наших панов поляков. Доносят на меня, что я был арестован, и уже даже хотят сделать меня коммунистом. Известно, я им не по нутру... Ошмянщина наибольший угол и средоточие наехавших со всех сторон элементов, враждебных не только белорусам, но наиболее, сказал бы, Германии, с которой они все находятся в войне, так как ждут перемены со дня на день. Готовят нам, белорусам, виселицы и говорят

по деревням: «Была тут и будет Польша...». Прошу заботиться о нас, так как мы тут являемся авангардом белорускости среди ошмянских польских эндеков и союзников... Грозили меня сначала убить, а теперь говорят, что я сидел в тюрьме и хотят сделать коммунистом, это последнее...» [10, лл. 204-204 об.]. Как отмечали немецкие полицейские органы, в большинстве случаев поступавшие от поляков доносы были необоснованными и преследовали единственную цель – «уничтожить ненавистных им белорусов» [9, с. 63].

Нельзя сказать, что немецкое военное руководство не понимало сложившейся ситуации. Комендант Беларуси уже в начале сентября 1941 г. в оперативной сводке докладывал: «Во многих населенных пунктах немецкими военными учреждениями на ответственные посты в учреждениях и полиции назначены поляки, которые используют свои должности, чтобы проводить в жизнь свои шовинистические устремления к созданию новой Польши, сеять глубокую вражду к белорусам и ... терроризируют их под защитой вермахта» [12, л. 6]. При этом в сводке отмечалось, что «поляки в большинстве полностью враждебны немцам. Они стремятся к восстановлению польского государства и стараются путем лицемерия и лести добиться этой цели под защитой немцев... Белорусы ... по сравнению с поляками не заняли надлежащего им места. Они чувствуют себя во многих населенных пунктах благодаря преимуществу поляков ущемленными и угнетаемыми» [12, лл. 7-8]. Однако военное командование не приняло никаких мер по устранению или ослаблению засилья поляков в органах местной администрации в осенний период 1941 г. и военный комендант Беларуси вынужден был констатировать, что: «...этой проблеме уделяется слишком мало внимания, или же она вообще неправильно понимается» [12, л. 14]. Таким образом, вермахт устранился на начальном этапе военной кампании от проведения политической линии верховного руководства Третьего рейха, которая состояла в том, чтобы держать курс на полное удаление поляков из всех властных структур и их физическое истребление. Гитлер рассматривал польскую нацию в качестве извечного и опасного противника немецкой нации и стремился к ее уничтожению. В этом его поддерживали идеологи нацистской расовой теории Розенберг, Геббельс, Борман и другие. Однако обсто-

ительства, складывавшиеся на Восточном фронте, вынудили военных использовать польское меньшинство в Беларуси в качестве местных руководителей и поручать им проведение оккупационных мероприятий.

Такое развитие событий не вызвало энтузиазма местного белорусского населения. В донесениях немецкой службы безопасности в начале 1942 г. отмечалось, что белорусы недовольны тем, что немцы привезли с собой эмигрантов из Германии и Польши и поставили их во главе управления территорией от Белостока до Смоленска, а также тем, что разрешили вернуться в Беларусь бывшим польским помещикам [13, с. 381]. «Белорусы разочарованы политической немцев в Польше. Наша задача состоит в том, чтобы убрать отсюда все польские элементы и везде поставить местные силы» [13, с. 388], – было сказано в одном из донесений СД из Беларуси от 1 мая 1942 г. Немецкая гражданская администрация на востоке, возглавляемая А. Розенбергом, также не испытывала к полякам особой симпатии. Рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, вслед за Гитлером, считал поляков опасной для немцев нацией, которая постоянно будет настроена враждебно к Рейху. Поэтому в своей директиве от 26 ноября 1942 г. А. Розенберг дал четкие и недвусмысленные указания о том, как следует обращаться с поляками на территории Беларуси и на Украине: «изъять» их из всех областей экономики, культуры и управления, уволить всех бургомистров и чиновников из немецких учреждений и назначить на их место белорусов, литовцев, украинцев; лишить польское население возможности получения высшего и среднего образования, не предоставлять им возможности изучать немецкий язык и приобщаться к немецкой культуре; разрешить использование польского языка только в местностях с большим количеством польского населения, в остальных же случаях предоставлять преимущество литовскому, белорусскому и украинскому языкам. Признавая, что осуществление этой директивы на практике столкнется с определенными трудностями и неудобствами (поскольку польские чиновники были довольно многочисленными, зачастую хорошо знали немецкий язык и обладали необходимой квалификацией, поэтому их удаление могло принести значительный экономический ущерб), Розенберг подчеркивал: «...наша конечная цель... должна

быть выше временных экономических затруднений» [13, с. 382]. Однако до конца оккупации немцы так и не смогли полностью очистить белорусскую местную вспомогательную администрацию (особенно в западных районах) от польских функционеров.

В то же время собственно белорусы не спешили идти на службу к оккупантам. Назначение руководящего состава, да и рядовых работников в управах всех уровней было сопряжено для армейского командования (а позже и для немецкой гражданской администрации) с большими трудностями. В отчете тайной полевой полиции за октябрь 1941 г. отмечалось, что: «напрасно ожидать от населения активного участия в происходящих событиях, ...русский [т.е. белорусский – А. Б.] народ не ищет контактов с немцами» [12, л. 93]. Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг также писал А. Гитлеру: «В итоге 23-летнего господства большевиков население Беларуси в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления нет ни организационных, ни персональных условий и позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не выявлено» [14, с. 90]. Для исправления ситуации в Беларусь в июле 1941 г. было направлено около 50 белорусов-эмигрантов, завербованных еще до начала войны (в их числе В. Тумаш, В. Ивановский, А. Демидецкий-Демидович, В. Родько, Р. Островский и др.). Все они заняли руководящие посты в органах местной вспомогательной администрации (30 человек в Минске, остальные большей частью попали в Центральную и Восточную Беларусь) [14, с. 77]. Это были люди, сознательно пришедшие к сотрудничеству с фашистским режимом, ими двигало неприятие социализма как общественного строя. Целью этих лиц являлось получение политической самостоятельности, создание национального белорусского правительства, а участие в органах местной вспомогательной администрации они считали первой ступенью к осуществлению своих политических планов. Будучи крепко связанными с немцами, эмигранты могли рассчитывать на достижение своих целей только в результате победы Германии, поэтому они являлись наиболее ревностными проводниками преступной оккупационной политики.

В целом насаждение эмигрантов на руководящие должности в учреждениях управления нижнего и среднего звена не принесло

оккупантам ожидаемого эффекта, наоборот, вызвало у населения отторжение от сотрудничества с управами, несмотря на то, что эти органы представлялись в оккупационной коллаборационной прессе именно как защитники прав населения перед немцами. В справке СД, составленной в 1942 г. по поводу национального вопроса в Беларуси, говорилось: «В городах лучшие силы служили коммунизму и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик. Большинство поставленных нами на руководящие должности от Белостока до Смоленска – это выходцы из Польши и в основном католики. Поэтому они смотрят на Белоруссию через польские очки. Но белорусы-католики – это не настоящие белорусы, под лозунгом Белоруссии они стремятся построить новую Польшу. Такие белорусы-католики, как бургомистр Минска проф. Ивановский, представляют собой не только оппортуниста, но и польского агента» [13, с. 388].

Из местного населения в первую очередь административные должности стремились получить люди, подвергавшиеся при советской власти репрессиям или преследованию. Зачастую это были уголовные элементы. В рапорте бургомистра Минского района Контовта от 12 сентября 1941 г. начальнику службы порядка Минского округа отмечалось: «Районная и волостные управы укомплектованы подобранными и надежными работниками, большинство из них при большевиках были угнетены, или сидели в тюрьме...» [11, л. 156]. Это подтверждается и сохранившимися анкетами работников городских, районных и волостных управлений, где большинство в графе «Подвергались ли вы или ваши родственники преследованиям при Советах» давали положительные ответы. Однако необходимо критически подходить к данному источнику. Иногда, ради того, чтобы получить место в административном аппарате, кандидаты сообщали заведомо неправильные сведения либо преувеличивали их, сообщая об арестах и осуждении своих дальних родственников. Тем не менее, безусловно, что первыми на службу к оккупантам пошли лица, имевшие какие-либо личные претензии к Советской власти. Нехватка кадров для местной вспомогательной администрации вынуждала нацистское командование соглашаться

на любые кандидатуры, иногда даже оставляя на своих прежних местах работы советских служащих (особенно инженерно-технический состав). Например, последним бургомистром Минска был назначен А.Ф. Комар [15, с. 160], который возглавил Минскую городскую управу после убийства В. Ивановского в январе 1943 г. До начала Великой Отечественной войны он проживал в Минске, преподавал в Минском политехническом институте. Во время оккупации работал в одном из отделов городской управы, а затем занял пост бургомистра, где находился в подчинении городского комиссара Беккера. И. Косяк дает ему такую характеристику: «...скромный человек без белорусского патриотизма. Он не проявил никакой инициативы в белорусских делах во время своего правления» [8, с. 303]. Комар был введен в состав БЦР, участвовал в работе 2-го Всебелорусского конгресса. В июне 1944 г. бежал в Германию, после окончания войны проживал в Берлине.

Помимо эмигрантов и местного польского и белорусского населения, определенный процент работников управ составляли «фольксдойче», т.е. советские немцы. По сведениям Ю. Туренка, только в Минске их было около 150 человек [5, с. 57]. Во многих городских управах они занимали посты начальников отделов, заместителей бургомистров, переводчиков и т.п. Например, в Витебске с сентября 1941 г. до января 1942 г. должность заместителя бургомистра занимал местный немец Л.Г. Брандт, а его сын А.Л. Брандт до ноября 1942 г. работал редактором коллаборационной газеты «Новый путь»; оба они были убиты подпольщиками. В Борисовской городской управе работал местный немец В.Ф. Вевель, начавший свою карьеру с должности бухгалтера жилотдела, а зимой – весной 1943 г. занявший пост бургомистра г. Борисова. В 1942 г. в ходе проведения «Нового земельного порядка» (нацистской аграрной реформы) при реорганизации бывших колхозов в госимения немцы даже назначались старостами деревень, в то время, как руководителями государственных имений являлись зачастую голландские колонисты [11, л. 108]. Однако к советским немцам нацистское руководство испытывало некоторое недоверие, называя их «полукоммунистами», поэтому военное командование не всегда обращалось с ними так, как того требовала расовая солидарность и принадлежность к господствующей нации [13, с. 388].

Таким образом, аппарат местной вспомогательной администрации, сложившийся в Беларуси в начальные месяцы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации, был весьма неоднородным явлением. В нем можно выделить 4 основные группы работников:

1. Польские деятели, пытавшиеся использовать условия начавшейся оккупации для достижения своих политических целей (превращения Беларуси, особенно ее западных регионов, в польскую провинцию).

2. Белорусские национальные деятели, большей частью прибывшие в Беларусь с немецкой армией и стремившиеся использовать местную вспомогательную администрацию в качестве первой ступеньки для создания своего политически «независимого» правительства.

3. «Фольксдойче», т.е. лица немецкой национальности, ранее проживавшие на территории СССР и пошедшие на службу к оккупантам частично из чувства национальной солидарности, частично с целью собственного обогащения.

4. Представители местного населения (белорусы, русские, другие национальности), в основной своей массе рассматривавшие службу в коллаборационных органах как средство выживания и стремившиеся также улучшить свое материальное положение и повысить социальный статус; среди них немало число работников имели криминальное прошлое, либо были репрессированы в годы советской власти по политическим мотивам.

Использованная литература

1. Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии // Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, докум. и материалы. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М.Самсонов. В 2 т. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. – 766 с.

2. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, докум. и материалы. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М.Самсонов. В 2 т. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – Т. 2. – 664 с.

3. Кубе, В. Доклад на совещании окружных комиссаров, начальников главных отделов генерального комиссариата (Минск,

8-10 апреля 1943 г.) / В.Кубе // Веснік БДУ. – 1994. – Серыя 3. – № 1. – С. 67–74.

4. Сервачинский, И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941-август 1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / БГУ / И.Ю. Сервачинский. – Минск: 1999. – 16 с.

5. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

6. Директива Геринга по экономическому разграблению оккупированных территорий СССР // Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми т. – М.: Юрид. лит., 1987-1994. – Т. 4. – 1990. – 672 с.

7. Спирин, В.С. Белорусско-польский антагонизм как один из факторов стимулирования политического коллаборационизма на территории Западной Беларуси в 1941 г. / В.С. Спирин // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: Матэрыялы навук.-тэарэт. канф., 4-5 мая 2000 г.: У 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М.Танка, 2000. – Ч. 2. – С. 21-25.

8. Найдзюк, Я. Беларусь учора і сёння: Папулярныя нарыс з гісторыі Беларусі / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.

9. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мінск: БДПУ імя М.Танка, 1999. – 260 с.

10. Государственный архив Минской области. – Фонд.4232. – Оп.1. – Д. 2а

12. Государственный архив Минской области. – Фонд 623.– Оп. 1. – Д. 2

13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 4683. – Оп. 3 – Д. 953, 1035.

14. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

15. Раманоўскі, В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах / В.П. Раманоўскі. – Мінск: Беларусь, 1964. – 288 с.

16. Соловьёв, А.К. Белорусская Центральная Рада: Создание, деятельность, крах / Под ред. С.М.Симонова / А.К. Соловьёв. – Минск: Наука і тэхніка, 1995.– 176 с.

Гістарычныя карані беларускай дыяспары.

Т.В. Лойка, канд. гіст. навук, дацэнт

Па падліках спецыялістаў, сёння ў далёкім і блізкім замежжы жыве каля 3 млн. беларусаў. Гэта значыць, што амаль кожны трэці беларус знаходзіцца за межамі сваёй гістарычнай Радзімы. Беларуская дыяспара адрозніваецца ад дыяспар іншых народаў сваёй спецыфікай, перш за ўсё, структурай. Можна выдзеліць тры катэгорыі беларусаў, якія сёння жывуць за межамі Рэспублікі Беларусь. Першая – эмігранты ў поўным сэнсе гэтага слова. Гэта людзі, якія пакінулі Радзіму і выехалі на Захад, за межы Расіі або Савецкага Саюза. Другая катэгорыя – мігранты, гэта значыць, тыя, хто выехаў з Беларусі ў другія раёны Расіі ці Савецкага Саюза, вядома, пры ўмове, што яны не забыліся аб сваім беларускім паходжанні, сваіх гнасеалагічных каранях. Але зараз, відаць, і гэтую катэгорыю можна назваць эмігрантамі. І нарэшце, трэцюю катэгорыю беларускай дыяспары складаюць беларусы, якія сёння ўваходзяць у склад суседніх з Рэспублікай Беларусь дзяржаў: Польшчы, Літвы, Латвіі, Расіі, Украіны.

Як жа здарылася, што частка беларусаў, якія ніколі нікуды не выязджалі і спрадвеку жывуць на сваёй зямлі, у той жа час з'яўляюцца грамадзянамі іншых дзяржаў? Каб гэта зразумець, неабходна звярнуцца да пытання аб фарміраванні дзяржаўных межаў Беларусі.

Вядома, што землі сучаснай Беларусі ўпершыню аб'ядналіся ў адзінай цэнтралізаванай дзяржаве спачатку ў складзе Кіеўскай Русі, затым у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Межы апошняй дзяржавы складваліся на працягу некалькіх стагоддзяў. У тыя часы, акрамя тэрыторыі сучасных шасці абласцей, да беларускіх зямель можна было аднесці Віленшчыну і Падляшша (сучасная Беласточчына). Тут таксама ішоў працэс фарміравання беларускага этнасу.